

ОТРЫВОК О КОМИССИИ УЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Читая историю нашей Комиссии о составлении законов, нельзя не подивиться, что к делу столь важному доселе средства употребляемы были столь малозначащие и несвойственные.

С 1814 г., когда правительство начало сим делом заниматься, не могли дать сему учреждению той обдуманной холодности, того постоянного и твердого движения, которое одно может удостоверить успех великих и продолжительных предприятий. Все почти государи занимались сим с порывостию и некоторым воспалением. Это была мысль, которая приходила и поражала их с великою силою; но поелику не измеряли они вместе с тем всей глубины ее, то при открытии ее, теряясь в скучных и продолжительных ее отношениях, они оставляли и мысль и начатки действия.

В доказательство, как мало понимали наилучшие умы всю трудность сего дела, Петр Первый давал себе обещание запереться и не выходить из Монплезира, доколе его не окончит.

Излишне было бы исчислять разные попытки, кои со времени сего государя деланы были в сей части; все они были почти одинаковы; во всех, после пышных и многогрозящих планов, действие оканчивалось обрядом — во всех начинали дело сие министры, сенаторы, лучшие умы того века, а кончили обер-секретари, секретари сенатские и даже подьячие. История ныне действующей Комиссии точно такова же; она началась государственным великим сеймом, в 1766 г. от всех концов России созванным, а кончилась Ананьевским, Пшеничным и Ильинским.¹

Государыня Екатерина Вторая, пленясь понятиями философов, в то время в великой славе и во всей свежести бывших, вообразила народ российский довольно совершенным, чтоб допустить его к великому делу законодательства, — хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать.

Но что произвели сии в цепях законодатели? Прочитайте их журналы.

Заблуждения великих умов недолговременны, и Комиссия сия скоро была разрушена; осталась тень ее, или, лучше сказать, осталось несколько человек на развалинах сего огромного здания славы, ищущих личного пропитания.

Можно бы было с основанием спросить сих оставшихся законодателей: вы призваны составить Уложение для обширнейшей в свете Империи, населенной разными языками, славящейся своею силою, рабством, разнообразием нравов и непостоянством законов; приступая к сему великому делу, вы, без сомнения, имеете уже полное собрание всех материалов, к сему принадлежащих.

Труды всех Комиссий, доселе бывших, отвечали бы они, ныне хранятся в нашем архиве, — там есть проекты законов на разные части; есть выписки из Уложения Шведского и Датского и полное собрание наших указов. Правда, что сии проекты законов не что другое суть, как выписки из старых, весьма давно уже составленные и по большей части растерянные, что выписки из Уложений иностранных представляют старые их узаконения, по большей части уже отмененные, что и вообще собрание сие рассыпано на многие статьи, остались одни только надписи, а в других под заглавиями известными содержатся предметы, совсем к ним не принадлежащие, и, вообще, собрание сие подобно библиотеке, пожаром объята и из огня исхищенной, без связи, без порядка и почти без возможности употребить ее в дело; но в сих материалах нам нет никакой и нужды.

У нас есть Сводные так называемые Уложения, в коих на каждую материю прибраны и выписаны все законы, и есть основа всей нашей работы.

Но кто делал сии Сводные Уложения? Не частные ли люди? Совершеннее ли они известного Словаря Чулкова, в коем на каждой странице встречается десять бессмысленных ошибок. Поручитесь ли вы в их полноте и точности? По крайней мере, приняли ли вы на себя труд пересмотреть их и поверить.

Да если бы своды сии и имели все их совершенство, вы знаете, сколь законы наши недостаточны, сколь часто они противоречат себе и здравому разуму, чтоб приметать и дополнить сии недостатки, чтоб согласить сии противоречия. Вы, без сомнения, имеете общие правила, по коим должна быть расположена как цензура законов, доселе существовавших, так и происхождение их и введение новых; вам известно, что один и тот же закон может быть весьма полезен в правлении республиканском или деспотическом и весьма вреден в монархическом и что монархическое правление, по разности своих коренных законов, может иметь различные виды и степени, словом, что всякое государство имеет свою конституцию, и Уложение должно быть согласно с сею конституцией; итак, я полагаю, что вы имеете общее начертание того государственного постановления, к которому должна быть приведена Россия, что вы непрестанно соображаетесь с сим начертанием и проч. и проч.

Мы знаем, что в России государь соединяет в себе все роды сил; он есть законодатель, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов, — вот что называем мы государственным постановлением и на сем одном понятии основываем мы все наши суждения о законах. Закон есть выражение воли государя, а понятия о конституциях суть порождения новой философии, столь же, по мнению нашему, бесполезные, как и все теории, на грезах воображения возвращенные и никогда события своего не достигающие. По крайней мере, я должен из сего заключить, что, изучась древней философии, привыкнув размышлять с Аристотелем, Гроцием и Пуффендорфом, вы проникли во все изгибы и новых примечателей, познали всю неосновательность Монтескиев, Блакстонов и прочих сего рода поверхностных умов; что теряли свое время, трудясь в течение целой жизни над несколькими листами их сочинений, вы постигли и заблуждения их, и нелепость их правил и глубокими размышлениями проложили себе прямой и собственный путь к истине.

Мы лучше умели употребить наше время, вступая от самого младенчества в тайны канцелярские, не теряя сил памяти и размышления даже и в первых основаниях словесности. С чистыми естественными понятиями и с пером в руках мы искали сперва средств к пропитанию; потом, малопомалу возникая в трудной и единственной науке понимать законы и знать обряды, мы столько успели, что имя наше содеялось в Сенате и губерниях гласным.

Государь вскоре по восшествии на престол пожелал дать сему грубому телу лучший состав и образование. Указ его есть черта света, во тьме проведенная, но сия черта не могла рассыпать мрака, их одежащего. На вопрос его о действии сей Комиссии ему представили изложение российских законов, смешное и ребяческое творение, где вещи, всем известные, и понятия площадные доказываются многоглаголивым старинным красноречием и выдают за новые.

Кажется, прежде нежели можно будет думать о плане Уложения, должно бы было определить план, на коем вся работа сия должна быть основана, и приуготовить все предварительные ее части.

Чтоб познать яснее сии части, надобно взойти к высшим и первым началам сего государственного учреждения.

Из общего плана внутреннего государственного управления, выше изображенного, видно, что Уложение есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу.

Из сего следует, что Уложение не дает гражданам прав, но учреждает взаимные их между собою отношения и превращает их в обязанности.

А посему всякое Уложение должно быть основано на существующих правах народа или по крайней мере должно предполагать их существующими.*

Вопрос: может ли предшествовать Уложение общему государственному постановлению?

Не только может, но и должно там, где нет сего постановления, ибо, утверждая отношения прав между гражданами, тем самым врезывает оно во мнение народное самые права — а мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила

* В России должно их предполагать, ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах. В правлении самовластном не может быть Уложения, ибо где нет прав, там не может быть и постоянных их между собою отношений. То, что называется Уложением и законом, в сих правлениях не что другое есть, как произвольное постановление власти предержащей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переменить их или иным образом ограничить. Напротив, правления законные не могут быть без Уложения, ибо в правлениях законных права граждан непоколебимы, а права непоколебимы быть не могут, если не установятся между ними неперемennые отношения. Отсюда следует, что в сих правлениях Уложение есть закон фундаментальный и неперемennый, ибо нельзя переменить отношений прав без потрясения их самих.

конституции, как доказано выше. Уложение может приготовить путь к нему и расположить ум народный.

Уложение хотя может и должно предшествовать в действии своему общему государственному постановлению, но в намерении своем долженствует предполагать его. Оно должно быть составлено так, как будто бы сие постановление уже существовало, ибо, быв частию его, оно должно быть сообразно духу целого.

Сей дух общего государственного постановления должен быть необходимо присущим составу Уложения. Подобно духу творческому, он должен невидимо парить над сим творением, одушевлять и располагать все его части.

Отсюда происходит *первое* правило, существенное для сочинения Уложения: *оно должно быть расположено по начертанию общего государственного постановления.**

Второе правило Уложения существенное есть, *чтоб состав его сложен был сколько можно из самых тех законов, кои донныне существовали и кои в уме народном уже утвердились.* Законы новые в тех только случаях вводить должно, где старые очевидно будут противными принятому государственному постановлению.

Третье правило, *чтоб в составе Уложения участвовало все государство.* Сие требует изъяснения. Уложение есть коренной закон государства. Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творение народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются, ибо пределы власти не могут быть в ее середине. Но каким образом все государство будет участвовать в составе Уложения? Если избранные из всех состояний люди призовутся не вдруг, но одно состояние после другого, не к сочинению Уложения, но к выслушанию проекта его, если дастся им свобода делать на него примечания, если примечания сии не отвергнутся властью, но или докажется им самим неосновательность

* Под именем общего государственного постановления не то, конечно, должно разуметь, что ныне существует, но то, к которому идет Россия, ибо ныне существующее постановление, состоя в одной неограниченной воле, само собою пройти долженствует, как доказано выше. Сие предполагаемое в будущем постановление при составлении Уложения должно существовать только в общем начертании; его правила должны быть известны только тем, кои будут составлять и соображать Уложение, — от зарождения его в правительстве до обнародования его, вероятно, протечет еще полвека, как яснее сие доказано выше.

оних, или сделаются по ним некоторые поправки в проекте — я не знаю, почему бы сей народный акт не должно было назвать всеобщим государственным согласием и народным участием в составе Уложения? Ниже сего будет сие доказано подробнее.

Из сих правил определить можно с некоторою основательностью план всего действия.

Я разделю все действие на три части. *Первая* часть будет приготовление к Уложению. *Вторая* — самое составление Уложения. *Третья* — обнародование его. Сии части должны следовать одна за другою отделенными эпохами, и по числу и качеству каждой должны быть три разные Комиссии, одна место другой занимающие.

ПЕРВАЯ КОМИССИЯ

Упражнение Первой Комиссии будет

1. Составить и поверить лучшие и вернейшие своды Уложения или расположить законы по материям, отвечая за верность и полноту сих сводов всех членов подписанием — своды сии под ее смотрением напечатываются.

2. Сочинить историю российских законов, изобразив в ней перемены их, начала, случаи и, если можно, влияние на государственное благо.*

* Ныне существующая Комиссия составлена наилучшим образом для исполнения сих трех предметов. Члены ее ни более ни менее знают, как то, что к сему необходимо нужно. Из них Ананьевский должен поверить и дополнить своды по части гражданской, Ильинский — по части уголовной, Пшеничный — по части казенной (хотя часть сия и не принадлежит к Уложению, но она войдет в состав учреждения о государственном хозяйстве, которое все вообще требует преобразования), Радищев может с совершенным успехом составить историю законов, творение необходимое и в коем, по дарованиям его и сведениям в отечественной истории, он может много пролить свету на тьму, нас одежающую. В составлении сей истории не худо будет дать ему особенно заметить, чтоб углубился он разысканием, каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях.

В Своде законов можно бы также с пользою употребить служившего в Московской удельной экспедиции надворного советника Максимовича и сенатского секретаря Правикова.² Первый из них предпринял уже составить Словарь российских законов и имеет много к тому материалов; его бы можно было, с настоящим его жалованьем причислив к Комиссии, употребить как корреспондента для извлечения из московских архивов потребных материалов. Он доказал способность свою в выписках составлением пространного географического сло-

3. Привести в ясность и порядок рассеянные упражнения прежних Комиссий, извлечь из них проекты и материалы, в них изготовленные, дополнить то, что временем и небрежением в них потеряно, перевести или исправить и дополнить переведенные уже Уложения: Шведское, Датское и особенно Прусское.

В бездне наших указов есть множество статей, кои или вовсе не определены, или на кои изданные законы темны и противоречащи. Поверят ли, что у нас нет точного закона о наследстве *ab intestato*, * нет точного закона о завещаниях и проч.

В уголовной части — но у нас почти нет всей уголовной части — в уголовной части на самые простые и обыкновенные вещи нет определения; например, сколько раз судили людей за перелив монеты; и пусть мне укажут хотя одну строку, которая бы определяла за сие или суд, или наказание.**

Здесь не место исчислять все сии недостатки и противоречия, которые, впрочем, не должны никак казаться удивительны. Рим двенадцать веков сряду не имел Уложения, и правосудие совершенно зависело от толкования законоискусников. Немецкая империя, старая Франция, самая Англия, славящаяся своим государственным постановлением и уголовною частию, не имела и доселе еще не имеет порядочного Гражданского Уложения. Так называемый закон неписаный, или закон обычая, приемлется во многих случаях единым средством к решению. Государства сии счастливее нас были формою их суда. У нас почти ее нет, и то, что сим именем называется, есть уродливое произведение подъяческих умов, сотворенное для питания ябеды и зла, бесконечности всех тяжб.

Все сии недостатки легко могут быть замечены при расположении законов по материям, ибо тут с первого взгляда открыть можно, на что нет закона и где они себе противоре-

варя. Второй был бы так же полезен для сводов и истории. Он сочинил очень изрядный, хотя и весьма неполный Памятник законов в 3-х частях.

Составив собрание законов по хронологическому порядку, те же самые чиновники должны располагать их и по материям. Нет нужды, да и нельзя требовать, чтоб порядок в сем расположении был наилучший и ближайший к порядку естественному; хотя сие и много бы послужило к облегчению в приискании материалов, но существенное свойство сей работы должно состоять в том, чтоб части были объаты и ни одного закона не было бы упущено.

* [без духовного завещания (*лат.*)]

** Я не говорю здесь о высших предметах, как-то об отношении крестьян к помещикам, т. е. об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть Империи, к горсти людей, захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества. Сии предметы относятся более к конституции, нежели к Уложению, хотя нельзя будет пропустить их и в Уложении.

чат. Комиссия должна статьи сии, замечая особенно, вносить к ее начальнику, а сей должен представлять их, например, Совету. Совет в настоящем своем составе* не может лучше принять на себя обязанности, как делать проекты законов на сии статьи. Проекты сии должно считать не законами, но дополнительными материалами к составу Уложения. Они, может быть, и не вмятятся в свою раму, но по крайней мере сочинителям Уложения представят они предметы уже обработанные, не совершенно дикие.

В числе сих проектов, конечно, самый нужнейший есть о форме суда. В Совете есть опытные люди, кои весьма полезные могли бы дать на сию часть виды и, приуготовив ее, облегчили бы и ускорили тем состав Уложения. Общее, однако же, правило, что проекты сии должны оставаться проектами и должны быть вносимы в акты Комиссии в виде материалов.

Я полагаю, что бытие сей Первой Комиссии продолжится три года. В течение сих трех лет вот что будет сделано:

- 1) составится полный Свод всех законов, донныне существовавших; **
- 2) приведутся в порядок и дополнятся материалы, прежними Комиссиями собранные;
- 3) заметятся статьи, на кои законы или недостаточны, или противоречащи, или и совсем не существуют;
- 4) в Совете составятся проекты на сии статьи;
- 5) сочинится история российских законов, творение необходимое.

Сии пять предметов столь пространны, что они совершенно наполнят все определяемое для сей Комиссии время, и даже потребно будет побуждение и деятельность в начальстве, чтоб успеть их окончить. Я страшусь особливо 1-й и 4-й статьи: одна трудна, а другая пойдет весьма медленно.

Между тем как Комиссия будет готовить сии необходимые материалы и полагать первое основание сему великому зданию, правительство, со своей стороны, должно в сие время совершить два великих подвига.

* Совет часто находит себя в том положении, что предметы случайных его рассуждений иссякают. Сие упражнение, постоянное и единообразное, было бы весьма ему и приятно и свойственно.

** Я знаю и сам видел все Своды, в Комиссии хранящиеся, — все они в началах довольно хороши, но все неполны и, хоть некоторые статьи подписаны бывшими в Комиссии членами, но сии вообще не выверены и не доведены до новейшего времени.

Первое, сделать начертание общего государственного постановления, или конституции. Я уже заметил, что без сего творения ни одной верной черты не можно провести в Уложении, ибо Уложение есть часть сего постановления, а часть всегда должна быть сообразна своему целому; но я заметил с тем вместе, что начертание сие должно быть известно только* тем, коим вверено будет составление Уложения. От них до народа путь еще не близок и не приготовлен.

Наказ Комиссии был, кажется, следствием подобного размышления, но он, содержа в себе выписки из наилучших сочинений о законах, ничего не представляет определенного о конституции России, и если бы представлял, то не должен бы быть публичным.

Второй предмет, предлагающий правительству в течение сих первых трех лет, есть приуготовить самых людей, коим бы можно было поручить составление Уложения.

Мне всегда казалось странно, что в частях простых и малозначащих требуют с большею точностию совершенства, нежели в науке законодательства. Целую жизнь посвящают, чтоб познать историю насекомых или исчислить все роды бабочек, а составление Уложения вверяют у нас первому, кто обнаружит некоторое сведение в указах или покажет некоторые таланты, как будто законоведение не составляет само собою особой и обширной науки, как будто можно в сей науке всякому быть глубоким, кто захочет, и как будто она не есть одна из труднейших частей истинной философии.

В России и теперь на сцене есть, конечно, люди с обширными познаниями; но, *первое*, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; *второе*, их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к коему они принадлежат и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе. Они с великою пользою употреблены в ней быть могут как критики, но не как сочинители.**

* Я не смею здесь представить мыслей моих о сем великом деле, хотя в другом месте, испытав о нем размышления мои, мне кажется, доказал я самому себе, что трудность его состоит не в самом существе, но в выборе средств привести его в силу без крутостей и переломов.

** Сочинение вообще требует известного огня в разуме, умеряемого опытом и размышлением. Я бы желал, чтоб все сочинители были молодые люди, отвязанные от предрассудков, исполненные великих и даже смелых мыслей и теплоты душевной, а критики были бы старики холодные, строгие, медленные и даже угрюмые.

К составлению проекта Уложения нужны люди, кои бы с довольною опытностию в делах соединяли жар лет и свежесть понятий, которые бы, зная все изгибы канцелярий и практическое употребление закона, вместе с тем не только знакомы были со всеми лучшими писателями в сем роде и приобькли бы размышлять с ними, но и имели бы душу и разум, всегда отверстый к истине и к новому научению, чтоб возраст их и здоровье позволяли им углубиться в сию часть и успеть принести отечеству плоды их учения, чтоб, наконец, с разумом, образованным к высшим понятиям, они соединяли в нравственном их характере все терпение, какого дело сие по существу своему требует.

Люди с сими свойствами должны еще особенно быть приуготовлены к их предназначению. Они должны сделать путешествие в государствах, где наука законодательства доведена до высшего совершенства, где политические превращения приучили умы заниматься предпочтительно сею частью и где есть великие люди в сем роде. Беседа с сими людьми часто более научает в один час, нежели двухгодичное чтение. Сверх сего, в книгах, при наилучших теориях, нельзя почти найти практического законов употребления, нельзя наблюдать тысячу тонких обстоятельств, показующих истинное влияние законов на нравы и счастье народное, а особливо в обряде самые существенные черты не иначе могут быть открыты, как личным наблюдением.

Время, в котором мы живем, по счастью, наиболее благоприятствует сему предприятию. В Англии лучшие люди думают и пишут проекты Гражданского Уложения, Франция вновь его созидает, целые государства выходят, так сказать, из ничтожества, и царства в глазах наших слагаются. Какая минута, какое зрелище для наблюдателя — видеть все стихии закона в их простоте и первом образовании, быть присущим, так сказать, при самом рождении великих обществ, движимых и образуемых просвещеннейшими умами нашего века. Я не знаю, было ли когда-нибудь время способнейшее к научению, кто учиться может и кто довольно просвещен и справедлив, чтоб не почитать себя всеведущим так, как у нас знатоки наши мыслят.

Три года необходимого приуготовления предварительных материалов Комиссии составляют именно то время, какое нужно к совершению сего путешествия. В сии три года вся почти работа сей Комиссии должна быть механическая и, выключая проектов на недостающие законы и истории их, все

прочие части ничего более не требуют, как точности и терпения.

Следуя сим размышлениям, я полагаю, что правительство, избрав людей, наиболее подходящих к образцу, мною описанному, пошлет их в Англию, во Францию и Берлин по одному человеку, дав каждому вместо всех наставлений одно сведение о предназначении их и чего отечество от них ожидает. Предположив в них свойства, выше мною изображенные, сего уже будет довольно, чтоб поставить их на истинном пути. Если они будут выше обыкновенных видов властолюбия и честей, если сердце их имеет известную теплоту к благу человеческого рода и если, впрочем, по состоянию их отвязаны они от нужд, сжимающих душевные силы, всею вероятностию человеческих предположений можно ручаться, что государство не потеряет в них ни врмсни, ни иждивсния.

Я впоследствии означу, какое именно употребление дблжно будет из сих людей сделать во Второй Комиссии.

В сем состоят два предмета, кои правительство должно совершить в течение первых трех лет, во время собрания предварительных к Уложению материалов.

1802 г.